

ВИТЯЗЬ

Сергей Петрович –

кандидат исторических наук,
заместитель директора Центра
исследований белорусской
культуры, языка и литературы
НАН Беларуси

УДК 94(476):94(47)026

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI в.

В статье обсуждаются политические события Древней Руси первой половины XI в., связанные с возрастанием роли Полоцкого княжества. Подчеркнута значимость похода полоцкого князя Брячислава на Новгород в 1021 г. Охарактеризованы содержание и историография похода, выделена одна из неразрешенных, основополагающих проблем этого события: проблема дружины Брячислава.

Ключевые слова: Древняя Русь, Полоцкое княжество, князь Брячислав, дружина, кривичи, пруссы, Неманский торговый путь.

Вступление

Земли в сфере древнерусского влияния обретали своеобразное развитие в переменчивых межрегиональных отношениях с участием центра (Руси), периферии, внешних воздействий. В частности, первая половина XI ст. отмечена стремительным возрастанием политической роли Полоцкого княжества. Особенно выделяются решительные действия Полоцка в небывалых до того общерусских масштабах, включая военный поход 1021 г. князя Брячислава на Новгород, северный центр Руси.

Сведения о том походе впервые были изложены в древнейшем летописном источнике Руси «Повесть временных лет» [1, с. 202]. В позднейших сообщениях (Воскресенская, Лаврентьевская, Патриаршая (Никоновская), Софийская I, другие летописи) были представлены дополнительные комментарии по отдельным аспектам этого события. Возможно, некие сведения имелись в Полоцкой летописи, которая, как известно, не сохранилась и лишь частично была пересказана В. Татищевым. Также отдельные замечания приводил Я. Длугош. Однако даже в общем сочетании очерченные сообщения не составляют последовательного, целостного описания события. И это не удивительно, период раннего средневековья Беларуси чрезвычай-

но скупо освещен в письменных источниках. Свидетельства о походе Брячислава и его времени (период княжения 1003—1044 гг.) также нельзя признать полновесными. Между тем, на общем сдержанном историографическом фоне они как будто демонстрируют относительную насыщенность характеристики: очерчены время, место, направление похода, определенные обстоятельства, некоторые последствия.

Обобщенное содержание похода Брячислава

По сведениям упомянутых летописей, князь полоцкий осуществил успешное военное нападение на Новгород, после чего с награбленным имуществом и пленными возвращался в Полоцк. Еще у Новгорода (на р. Судоме, притоке Шелони) Брячислава остановил великий князь киевский Ярослав, победил в столкновении, отобрал захваченное, вернул домой пленных. Важно, что Ярослав не уничтожил противника, позволив Брячиславу (своему племяннику) вернуться в Полоцк. Ярослав предложил Брячиславу союзный договор, который князь полоцкий принял и неукоснительно исполнял.

В летописных сообщениях заметна фрагментарность. Остались неясными цели, существенные обстоятельства, результаты похода, т.е. его государственный контекст, по сути — главная характеристика. Сопоставление известных сегодня данных демонстрирует противоречия в их оценке. Очертим некоторые историографические позиции по рассматриваемой проблеме.

Цели похода Брячислава

С.М. Соловьев и за ним И.Д. Беляев отмечали, что полочане непреднамеренно напали на Новгород. А.В. Турчинович видел в том походе стремление Полоцка к независимости от Киева. М.О. Коялович полагал, что полоцкие князья, начиная с Брячислава, осуществляли захваты пленными ради заселения ими своей страны. Д. Иловайский и П.Н. Батюшков вы-

сказывались, что Брячислав умышленно домогался Новгородских земель. М.В. Довнар-Запольский отмечал, что Брячислав заявил требования на Русскую землю в целом, но удовлетворился владением двумя названными городами, поскольку с ними полочане «держали в своих руках пути Верхнего Подвинья и самую важную часть великого водного пути «из варяг в греки» — волоки между Двиной и Днепром». Последний тезис развил А.Н. Насонов, который подчеркивал экономический контекст действий Брячислава и считал их направленными на Двинский маршрут торгового пути «из варяг в греки». Н.И. Ермолович видел в сжатых комментариях Я. Длугоша и В. Татищева свидетельства стремления Полоцка к завоеванию Новгорода. Таковую же цель признавал В.Я. Петрухин. Э.М. Загоруйский выделял ничем не прикрытый разбойничий характер кампании, но также подчеркивал ее направленность на овладение именно двумя упомянутыми городами на торговом пути. М.Б. Свердлов считал доминирующими грабительские, а не политические устремления Брячислава. На сегодня преобладающее признание получила позиция А.Н. Насонова, которую поддержали Л.В. Алексеев, Г.В. Штыхов, П.П. Толочко и другие ученые.

Роль и результаты похода Брячислава

После столкновения Ярослав не только сохранил жизнь Брячиславу, но и передал ему в управление города Витебск и Усвят, которые до того подчинялись Новгороду. Это не простая территориальная уступка. Те города выполняли функции узловых пунктов между Двинским и Волховским маршрутами Днепровского торгового пути. Сверх того Ярослав предложил Брячиславу договор: «будь со мной един», что означало политическое признание ровности князей. «И были они вместе во все дни жизни своей» (т.е. до середины XI в.) — красноречиво заключала летопись [2].

Факты свидетельствуют, что победителем в походе был Брячислав, а не Ярослав. Но ни один источник этого прямо не утверждает, что

склоняет к мысли о вероятном замалчивании или искажении авторами источников обстоятельств похода Брячислава. Так, М.И. Ермолович называл результаты похода Брячислава неожиданными. Э.М. Загоруйский отмечал реакцию победителя, Ярослава, как удивительную. О.Н. Левко полагала, что причиной уступок со стороны Ярослава была сложность в контроле обширных территорий Руси, что заставляло его искать союзников [3]. Созвучные взгляды высказывал еще С.М. Соловьев и позже П.П. Толочко, Л.В. Алексеев в том смысле, что Ярослав «выкупил мирные отношения» у Брячислава. Но остается вопрос, завоевал ли Брячислав своим походом на Новгород статус союзника или, напротив, вызвал недоверие. В.Е. Данилевич оценивал действия Брячислава как исток векового противостояния полоцких и киевских князей. Г.В. Штыхов выделял в шагах полоцкого князя стремление к обособленности, в результате чего во второй половине XI в. Полоцк стал основным соперником Киева. О.Н. Левко видела отражение борьбы между Киевом и Полоцком за укрепление политической власти путем расширения государственной территории. Л.В. Алексеев подчеркивал смысл похода как определяющего события в противостоянии Полоцка с Новгородом, а не с Киевом, где Киев в результате принял сторону Полоцка и доверил ему узловые пункты торговых путей.

Ученые солидарны в определении похода Брячислава как события высокого масштаба. Несмотря на разночтения в деталях, оценки результатов похода едины в выделении его политической значимости. Обстоятельства похода анализируются и взвешиваются преимущественно в русле экономики, в связи с важнейшим торговым путем Древней Руси «из варяг в греки», что обнаруживает системный характер целей и результатов похода. Полагается, что это была не единичная акция, не ситуативный взрыв активности, а составной элемент долгосрочных, хорошо просчитанных и прагматично подготовленных геополитических процессов.

До того в Полоцке не отмечались события уровня, подобного походу 1021 г. Впечатляют

даже формальные параметры — поход более 500 км против крупного центра Древней Руси. Чтобы решиться на такое, надо было владеть политической ситуацией, быть уверенным в своих силах, точно рассчитать возможные дивиденды от рискованной акции. В связи с этим встает вопрос о дружине князя полоцкого.

Содержательные обстоятельства похода Брячислава

Вопрос о дружине Брячислава является принципиальным. Военный поход отличается по сути от оборонительных действий средневековья, где основную функцию выполняло гражданское ополчение, жители местной округи. Поход, активное событие, осуществлялся усилиями профессиональных воинов — боевой дружины. Для Руси I/II тыс. н.э., сельскохозяйственного края, содержание дружины было делом непростым и неочевидным. Более того, сам институт дружины в обществе воспринимался критически, что в частности отражено в местном фольклорном наследии (былинные сюжеты о Микуле, Вальге, Святогоре). Даже претенденты на верховную власть в Древней Руси обращались в проблемных ситуациях за *внешней* военной помощью — к викингам «за морем», печенегам, полякам. Например, Ярослав Мудрый за период 1015—1043 гг. не менее 6 раз приглашал варягов [4].

Высказывались мнения о том, что данный поход был совершен силами скандинавской дружины, которая будто бы до 1021 г. перешла на службу от Ярослава Киевского к Брячиславу Полоцкому [5, 6]. Основанием для этого выделяется сообщение так называемой «Саги (точнее — «Пряди») об Эймунде» (записана в конце XIV в.) [7]. Известно, что саги, повествовательные источники устного происхождения, очень сложно интерпретировать. Данное произведение (рассказ о героических путях норвежского конунга Эймунда) сочетает как оригинальные свидетельства, так и неточности, искажения [8]. «Скандинавскую» версию высказывал еще Я. Длугош («Брячислав... собрал армию из своих полочан и варягов»); насто-

женно, но принимали А.М. Насонов, Э.М. Загорюльский и другие исследователи.

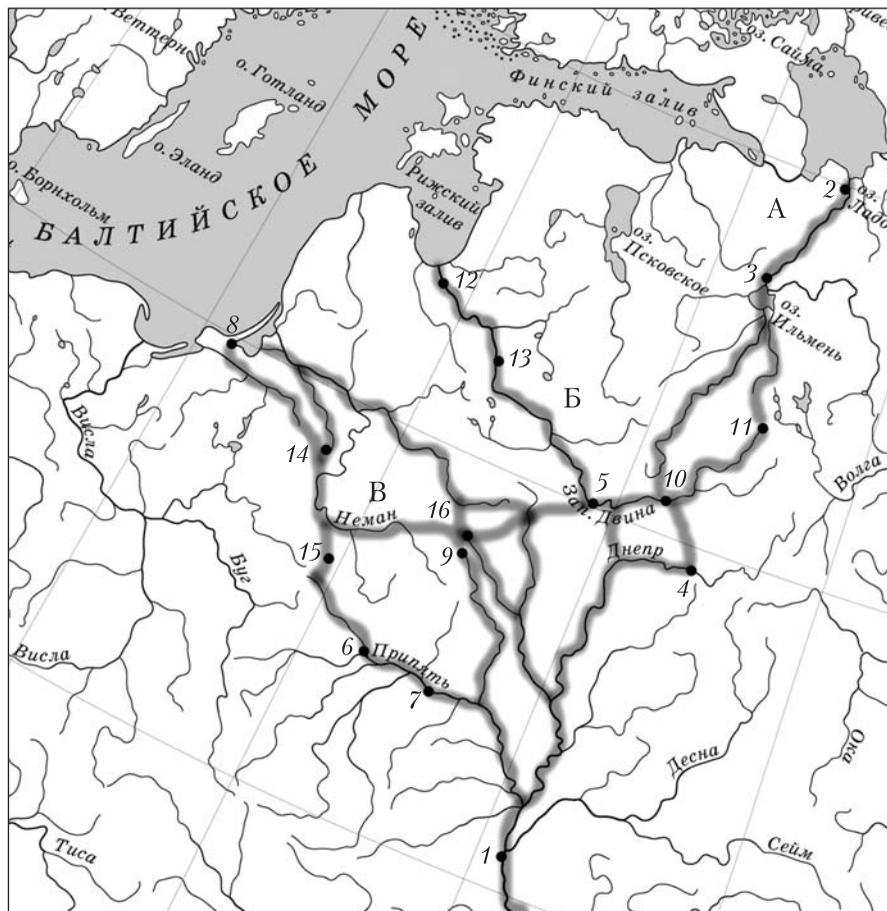
Обсудим количественные показатели. Так, Эймунд прибыл на Русь с дружиной в 600 воинов [7], которая после службы у Ярослава, как предполагается, сократилась в несколько раз. Такой небольшой отряд вряд ли имел бы определяющую роль при походе на Новгород. Этот аспект, другие существенные обстоятельства и вероятную хронологию событий выделил исследователь Минского региона Ю.А. Заяц, который критически проанализировал данные «Пряди об Эймунде». Ученый сделал основополагающий вывод, что переход викингов на службу от Ярослава к Брячиславу мог состояться не ранее 1024 г., т.е. после похода последнего на Новгород [9]. Действительно, сама «Прядь...» отмечает только переход Эймунда на службу к Брячиславу, но именно про Новгородский поход ничего не говорит, что было невозможным для героического произведения. Наконец, археологические материалы Полоцка и его окрестностей не предоставляют признаков присутствия скандинавской дружины, что отмечали ведущие исследователи Северной Беларуси этого периода: «присутствие варягов (скандинавов) на Полоцком городище и поселениях, что составляли территорию древнего города, по вещевому комплексу практически не прослеживается» [10]. Версия о скандинавской дружине в походе Брячислава не подтверждается.

Можно поставить вопрос о наличии в Полоцке собственной (кривичской) дружины. Но археологические материалы периода, предшествующего походу (X — начало XI вв.), не предоставляют свидетельств масштабных профессиональных воинских формирований в Полоцке (известны лишь единичные находки профессионального оружия, при этом дружинные могильники не выявлены). Также отсутствуют данные о тогдашней военной активности Полоцка в письменных источниках. А.Н. Кирпичников выполнил анализ становления древнерусской дружины на основании типологической и статистической характеристики находок вооружения в погребальных па-

мятниках [11]. Ученый выделил в обществе в X в. проникновение дружинных традиций, их закрепление в XI—XII вв., общую тенденцию к уменьшению роли ополчения, однако при этом отмечал высокую степень военной консервативности (длительное сохранение ополчения) населения белорусских земель на общерусском фоне. К созвучным выводам, с учетом археологических данных, пришли Я.В. Новиков [12] и М.А. Плавинский, который отмечал, что «наиболее многочисленной по количеству частью Полоцкого войска было ополчение» [13]. Говоря именно о дружине, исследователь признавал, что это могли быть варяги, констатировал сложность вопроса о точном количестве Полоцких войск и сделал вывод, что «княжеская дружина была немногочисленной» [13].

Неманский путь (см. рис.) оценивается как одна из ветвей трансевропейского пути «из варяг в греки». Это своеобразное организационное (территориально-военно-экономическое) образование объединяло побережье Балтийского моря с Русским Киевом (и далее — направления на юг и восток), через реки Неман, Припять, Днепр [14, 15]. Северным полюсом и руководящим центром Неманского пути был торгово-ремесленный центр Кауп (Вискаутен, Моховое), который размещался в прусских землях на п-ве Самбия, на побережье Куршского залива рядом с дельтой Немана. Кауп существовал с начала VIII в. до начала XI в.

Кауп — это не отдельный пункт, а функциональный территориальный комплекс, который включал поселения, защитно-укрепленные сооружения, ряд могильников, охранно-наблюдательные пункты, гавань с пристанью, ремесленные мастерские, сакральные объекты [15, 16]. Кроме того, в округе Каупа находился ряд дружинных поселений и могильников с прусско-скандинавскими чертами [17]. В разные времена на Каупе доминировали скандинавы — с о. Готланд, из южной Швеции, из Дании (вместе с археологическими свидетельствами сохранился также комплекс скандинавской топонимии в регионе) [16]. Кауп имел своеобразный статус: он не являлся независимой скандинавской автономией, также не представлял

Маршруты пути «из варяг в греки» в начале XI в.:

- А – Волховский;
- Б – Западновинский;
- В – Неманский

Пункты по маршрутам:

- 1 – Киев;
- 2 – Ладога;
- 3 – Новгород;
- 4 – Гнездово;
- 5 – Полоцк;
- 6 – Городище на Ясельде;
- 7 – Туров;
- 8 – Кауп;
- 9 – Городище на Менке;
- 10 – Витебск;
- 11 – Усвят;
- 12 – Даугмале;
- 13 – Герцике;
- 14 – Шурпилы;
- 15 – Збочно;
- 16 – Заславль

механически смешанное прусско-скандинавского население, не был прямо инкорпорирован в прусское общество. Кауп размещался на окраине прусских земель и был отделен от племенных территорий пруссов своеобразной «полосой безопасности» — цепью святилищ [17, 18].

Социальный климат Каупа (дружинный, торговый) существенно отличался от традиционного уклада пруссов (родообщинного). Вместе с тем имела постоянная, многоуровневая связь пруссов с Каупом: там постоянно находились представители прусского общества, профессиональные воины, торговцы, ремесленники, иными словами, прусские викинги [15, 19]. По археологическим материалам прослеживаются связи Каупа от Куршского залива (городище Кораллен-Берг) через Нижний

Неман (городище Жардэ, могильники Линкунен (Ржевский), Вэшвиле) до Среднего Понеманья (группа могильников около г. Каунас). На упомянутых могильниках встречаются прусские и скандинавские захоронения, ритуально соотносимые с захоронениями на Каупе. Верхнее Понеманье содержит многообразные признаки деятельности Неманского торгового пути: организационная инфраструктура; разнотипные импорты; индикаторы социальных перемен; признаки военной дружины; индикаторы акцентированных иноэтничных воздействий; свидетельства сырьевых технологических связей; показатели профессиональной торговой деятельности [14, 20–22].

Оценка скандинавского присутствия в Верхнем Понеманье выявляет специфические черты по сравнению с ареалами других направле-

ний пути «из варяг в греки» — реки Волхов, Западная Двина, Днепр. Так, Верхнее Понеманье содержит лишь отдельные признаки присутствия скандинавов (в основном, разнородные предметы материальной культуры), но при этом не несет признаков варяжских влияний [23]. В частности, ни один из их художественных стилей либо типичных изделий не был воспринят или ретранслирован в ремесленном производстве Верхнего Понеманья (и на территории Беларуси). Скандинавские находки по маршруту пути разнообразны, но немногочисленны, не образуют комплексов или серий, не демонстрируют пунктов концентрации, которые можно было бы идентифицировать с местами устойчивого местонахождения северян. Наиболее репрезентативные изделия — профессиональное оружие, прежде всего мечи и копья. Но наличие скандинавских образцов оружия не доказывает присутствия самих скандинавов. Это общеевропейская действительность, свидетельствующая о распространении новых социальных реалий, о сложении и деятельности дружинных формирований. Примечательно, что у многих мечей и наконечников ножен меча отмечены балтские типологические черты или влияния [23, 24]. Иные скандинавские изделия (предметы быта, одежды, украшения) рассеяны по обширной территории, но без признаков концентрации. Материалы единственного скандинавского погребения в Верхнем Понеманье (Городилово) и большинство находок в регионе соотносятся с Южной Швецией, что коррелирует с составом доминирующего скандинавского контингента на Каупе. Это значит, что непосредственное присутствие варягов в Верхнем Понеманье было ограниченным и, вероятно, носило транзитный характер. Трансляция воздействия скандинавов в регионе происходила, очевидно, через определенного рода посредничество, предварительно можно полагать — западнобалтское (прусы, ятвяги).

Неманский торговый путь имеет особенность, важную для осмысления рассматриваемого вопроса. Ранее обосновывалось положение о том, что Неманский путь послужил ор-

ганизационной и экономической основой для прусского расселения в направлении Верхнего Понеманья, результатом чего стало оформление ятвягов, как раннесредневекового ответвления пруссов [14, 25]. Прусское присутствие и влияние в Верхнем Понеманье намного более ощутимо, чем скандинавское. Это — погребальные памятники ятвягов (каменные курганы и каменные могилы), каменные городища и сакральные памятники пруссов, прусские этно- и социоопределяющие погребения с конем, оформление городской культуры всадников, прусско-ятвяжская топонимика, распространение традиции употребления подковообразных фибул, другие типичные находки, в том числе янтарь [14, 20, 21, 25, 26].

Важным элементом деятельности пруссов на Неманском пути были политические отношения, направленные на устойчивые, союзные связи с населением транзитных территорий (прежде всего, с дреговичами), а также с южным полюсом пути — Киевом. Здесь выделяется стратегический союз пруссов с князем Руси Владимиром. Так, в конце X в. пруссы помогли ему (в составе отряда варягов «из-за моря») овладеть Киевом и принять в управление Русское государство [27]. В этой связи заслуживает внимания сюжет, изложенный Адамом Бременским в схолии (вставке) к комментариям событий 1014–1016 гг. в произведении «Деяния архиепископов Гамбургской церкви»: «Канут отдал свою сестру замуж за сына короля Руси» [28, 29]. Отметим, что Канут в период 1016–1028 гг. стал королем Англии, Дании, Норвегии, Шотландии, Швеции, получил в управление Шлезвиг и Померанию и стал называться «Канут Великий». Если личность «сестры Канута», Эстрид, у исследователей не вызывает сомнений, то «сын короля Руси» точно не определен до сих пор. Ученые единодушны во мнении, что тот союз был недолгим (известно, что в 1020 г. Эстрид вступила в брак с норманнским герцогом Ульвом). По мнению М.Б. Свердлова, это был брак с «кем-то из сыновей» Владимира в 1014–1015 гг. [30]. А.В. Назаренко выделял более широкий период 1014–1035 гг. [29]. К. Маурер,

А. Кэмпбелл и др. принимали еще более позднюю дату, с 1025 г. (после убийства Ульва). Дата позднее 1016 г. явно противоречит датировке схолии, а также реалиям Древней Руси. Поэтому при определении «сына короля Руси» прежде всего обсуждались сыновья Владимира — Всеволод, князь Волынский (Л.М. Сухотин, М.Б. Свердлов), Глеб, князь Муромский (А.В. Назаренко) [29]. Но сам автор версии о Глебе отрицал ее, поскольку «не видно конкретных причин, которые могли бы привести в указанные годы к такому политическому союзу», а также «сближение с далеким Киевом... явно не сулило Кануту тогда никакой пользы», и сделал примечательное источниковедческое замечание: «этот неутешительный вывод свидетельствует либо о недостоверности информации, содержащейся в 39-й схолии хроники Адама Бременского, либо о том, что не все возможности ее объяснения были изучены» [29]. Также А.В. Назаренко выполнил текстологический анализ схолии и пришел к выводу, что она принадлежит именно Адаму Бременскому. Ученый отмечал, что по свидетельству самого Адама Бременского «одним из его главных информаторов в скандинавских делах был Свен Эстридсен» (король Дании, сын упомянутой Эстрид), «который держал в памяти всю историю варваров, будто записанную» [29]. Источниковедческие аргументы свидетельствуют в пользу подлинности сообщения о браке именно в период схолии 1014—1016 гг. На это указывают и данные нумизматики — взрыво-подобное распространение на Руси в начале XI в. английских монет Канута и Этельреда II (предшественник Канута), которые выделил В.М. Потин, высказав мнение о существовании в начале XI в. некоторых прямых датско-русских отношений [31].

А.В. Назаренко также признавал существование таких отношений, но не видел их в период, определенный схолией, и поэтому сделал предположение, что Эстрид вступила в брак с сыном Ярослава Ильей в 1019 г. Исследователь изложил пространное, но неубедительное обоснование этого. Об Илье неизвестно почти ничего, даже дата рождения. Если же принять

мнение о дате его рождения в 1018 г. [6], то брак с Эстрид в 1019 г. был невозможен.

Представляется обоснованным, что узловым пунктом для понимания сообщения Адама Бременского является деятельность Неманского торгового пути. Такой концептуальный подход определяет политическую роль союза с пруссами/ятвягами для Владимира и предоставляет необходимую основу для осмысления последующих союзов, личного и межгосударственного (Дания—Русь). Эти союзы были особо значимы для Неманского пути, руководящий центр которого, Кауп, имел очевидные контакты с Данией. На это указывают сообщения средневековых хроник (Саксо Грамматик, «Анналы Рида») о прибытии к пруссам отрядов датских конунгов (Рагнар Ладброк, середина IX в.; Лотекнут, начало X в.; Хакон Харальдсон, вторая половина X в.) [32—34]. По мнению В.И. Кулакова, эти сообщения имеют коррелирующие археологические материалы на Каупе (датские импорты, погребения, иные признаки присутствия датских викингов) [16]. Так, союз Канута с Владимиром через Кауп и Неманский путь был предопределен продолжительным периодом торгового сотрудничества по Балтике. Такое понимание вносит ясность не только в обсуждаемый фрагмент Адама Бременского, но и в другие эпизоды истории Древней Руси.

Геополитическая ситуация в Восточной Европе накануне похода Брячислава

Если принять брак Эстрид с Глебом Владимировичем и соотнести с ним русско-датский союз 1014 г., то открывается новый взгляд на некоторые события истории Руси. Прежде всего, это одновременные бунты 1014 г. двух старших сыновей Владимира — Святополка, князя Туровского, и Ярослава, князя Новгородского. В обсуждаемом контексте деятельности торговых путей первый сын контролировал исходный маршрут Неманского пути (через левые притоки Припяти до Немана) и Бужский путь; второй — Волховский путь.

Протестная реакция сыновей Владимира свидетельствует об их политических разногласиях. В результате Святополк был взят под стражу в Киеве, а против Ярослава Владимир начал собирать военный поход. Очевидно, это не сиюминутное противостояние, династический союз между Владимиром и Канутом лишь проявил его глубину.

Заметим, что союз 1014 г. не был чем-то исключительным. Так, Г.С. Лебедев определял 1016 г. как этапный в русско-скандинавских отношениях [35], среди отличительных черт которого — развитие политических, династических связей, т.е. поиск путей укрепления договорных отношений на новом уровне. В этом русле отметим брак Святополка с дочерью польского князя Болеслава Храброго (предполагается, с 1013—1014 гг.), принудительный брак самого Болеслава (1018 г.) с сестрой Ярослава Предславой, брак Ярослава (1019 г.) с дочерью шведского короля Олафа Шотконунга, которой князь подарил Ладогу, определив соответственно роль Новгорода.

Владимир не успел совершить поход на Новгород против Ярослава. В 1015 г. он ушел из жизни, что радикально изменило ситуацию на Руси. Вскоре был убит Глеб, что зафиксировало разрушение созданного накануне русско-датского союза. Святополк освободился из плена, но не удержался у власти и покинул Киев в 1016 г. В том же 1016 г. Канут уничтожил Кауп и позже стал называться «королем Самбии» [33]. Святополк обратился за поддержкой к своему тестю, князю польскому Болеславу Храброму, и с его помощью в 1018 г. выступил против своего брата Ярослава, вновь прибыл в Киев, но также не удержался во власти и обратился за помощью к печенегам. В 1019 г. Святополк предпринял последнюю попытку овладеть Киевом, однако Ярослав победил вновь.

В этой череде династических противостояний Рюриковичей обратим внимание, что военные конфликты не способствовали надежности торговых отношений. Споры завершились закреплением во власти Ярослава, который был склонен к изменению политического

курса Владимира, что указывало на грядущие перемены в деятельности Неманского пути. Среди возможных векторов изменений выделяются следующие: 1) подчинение новому властелину — Ярославу; 2) противостояние Ярославу и новые попытки сместить его.

Действия по согласию, по первому вектору, должны проявиться в постепенной эволюции. Действия по второму, конфликтному, вектору должны сопровождаться новыми политическими решениями. В этом контексте поход 1021 г. князя полоцкого Брючислава на Новгород является очевидным свидетельством действия по второму вектору.

Такой сценарий отражает совпадение позиций Полоцка и прусского персонала Неманского торгового пути. Следует отметить тот факт, что после разгрома Каупа датчанами в 1016 г. в его окрестностях в начале XI в. возник ряд мелких пунктов, городищ, растянувшихся от Куршского залива до р. Преголь в основании Самбии и далее в бассейне Преголи [15]. Среди них выделим прусский торговый центр Тувангсте в устье Преголи, будущий город Кенигсберг (Калининград). Эволюция этих пунктов, а также признаки по самому Неманскому пути свидетельствуют, что его торговая деятельность продолжалась и далее [15]. Появляются вопросы: как произошла реорганизация пути? кто принял на себя функции управления, которые до того выполнял Кауп? куда переместился организационный и координирующий центр? Реорганизация требовала времени, поскольку в уничтоженном Каупе погибла администрация пути. Значит, некий период в начале XI в. путь бездействовал и персонал пути остался без работы. Выполним качественную оценку ситуации. Персонал пути составляли несколько категорий участников:

1. *Администрация пути.* Ее основной состав размещался в центре Кауп; количество, вероятно, несколько десятков человек — ориентировочно экипаж боевого корабля, а также переменный круг ремесленников, торговцев, воинов и других жителей.

2. *Участники охранных пунктов и воинских застав по маршрутам пути.* Для предвари-

тельной оценки примем, что заставы организовывались через каждые 30—40 км пути [16]; при длине Немана 1 тыс. км получаем около 30 застав. Боеспособный отряд заставы — около 10 человек (по аналогии с пунктом Шестовицы в Среднем Поднепровье, также с участием скандинавов и пруссов). Всего в стационарных пунктах предполагается несколько сотен дружинников.

3. *Торговцы и охранные сопроводительные отряды торговых караванов.* Исходя из сведений скандинавских саг можно полагать, что их количество было изменчивым. Предварительно заметим, что на пути одновременно могло быть около десятка караванов на севере (в Балтике) и столько же на юге (по рекам в направлении Неман—Днепр), если считать средний ритм отправки/прибытия караванов 1 раз в месяц. Состав каравана примем около 30 человек (исходя из количественной оценки экипажа торгового судна типа «кнорр» в 30—40 человек, либо по оценке каравана в составе группы небольших торговых судов с экипажами по 10 человек). Всего по пути выделяется еще несколько сотен дружинников в подвижных пунктах.

4. *Обслуживающий персонал.* Местные жители по маршруту пути, выполнявшие хозяйственные дела, обеспечивали повседневный быт и обслуживание охранных пунктов.

5. *Хозяйственный персонал.* Представители местного общества, заготавливавшие товарные запасы для торговли и обмена; общинные и профессиональные ремесленники. Очевидно, их деятельность поначалу концентрировалась вокруг охранных пунктов, позднее — городов.

Сочетание повседневных функций персонала пути требовало их интеграции и оформления в соответствующем организационном воплощении, устойчивом и автономном. Катастрофа Каупа укрепила эту тенденцию, ведущую к созданию *городов*, как надежного, самодостаточного элемента инфраструктуры. Это направление перемен (качественная перестройка торговых путей, централизация управления) для конца X — начала XI в. выделял также Г.С. Лебедев [35]. Для техническо-

го персонала (пп. 4, 5) прекращение деятельности торгового пути имело второстепенное значение, поскольку они сохраняли обычные бытовые занятия. Но для дружинников, которые были вытеснены за пределы традиционного общественного уклада, это означало катастрофу. Так, одномоментно без работы остались около тысячи профессиональных воинов. Эта цифра могла быть и меньшей и большей, в зависимости от интенсивности торговой деятельности могла достигать нескольких тысяч человек. Принципиальным выводом является понимание того, что после разгрома Каупа в регионе Юго-Восточной Балтии остался значительный контингент дружинников, неорганизованный, без ясных перспектив на будущее. На данном этапе обобщенной оценки представляется обоснованным принять в качестве количественного ориентира 1 000 дружинников. Кстати соотносить его с аналогичными данными. Так, в диахронном контексте выделим цифру в 1 000 боеспособных воинов (включая ополчение), которых могли выставить все прусские земли в середине XIII в. [17]. Состав «старшей дружины» Владимира в конце X в. (включая гарнизоны степной линии) оценивается в 5—7 тыс. чел.; в то время как «младшие дружины» сыновей Владимира — в 500 чел. [36]. В синхронном контексте напомним цифру в 1 000 варягов, которых пригласил «из-за моря» новгородский князь Ярослав в 1015 г. для борьбы за Киев, и 3 000 новгородцев в том же отряде [1, с. 195, 200]. Иные оценки состава княжеских дружин: у Ярослава в Новгороде (начало XI в.) — около 160 чел., у Олава Святого (начало XI в.) — около 100 чел., у Олава Тихого (вторая половина XI в.) — 240 чел., у Святополка Изяславовича (конец XI в.) — 800 чел., княжеская дружина Полоцкой земли в целом (начало XII в.) — 1 000 чел. (из них половина — в Полоцке) [37]; воинские контингенты Древней Руси XI в. во время военных кампаний — от 1,5 до 10 тыс. чел. [12]. По сведениям «Пряди ...», в дружине викинга Эймунда, с которой он пришел на службу к Ярославу, имелось 600 воинов [7].

Очевиден вывод, что отмеченный воинский контингент Неманского пути — чрезвычайная сила по масштабам того времени, его присутствие не могло остаться незамеченным. При этом высвободившиеся после разгрома Каупа воины не могли расселиться среди пруссов. Напомним, Кауп был «автономизирован», отделен от прусской племенной территории сакральным образом, т.е. прусское общинное руководство не желало видеть викингов в своем окружении. Сеть новых городищ на Самбии приняла лишь часть дружинников. Поэтому следует ожидать в начале XI в. появления прусско-скандинавских воинских подразделений в Юго-Восточной Балтии. По данным археологии выделяются два основных — в польской Мазовии и в Верхнем Понеманье, по маршруту торгового пути.

В Верхнем Понеманье в начале — первой половине XI в. выделяется ряд синхронных пожарищ, большинство из которых содержало также признаки военного нападения (прежде всего, наконечники стрел): городища Костенево, Кошели, Косовский тракт (Слоним), Кульбачино, Меречевщина, Плетки, поселения Ковали, Городиловка, Гродно (Замковая Гора), Новогрудок (Малый Замок) [38]. Ранее эти факты уничтожения населенных пунктов оценивались как свидетельства славяно-балтского противостояния, непримиримости автохтонов к пришельцам. Но события такого рода в Верхнем Понеманье и в прежние, и в последующие времена были единичными. Поэтому вышеизложенные положения склоняют к другому пониманию этих событий.

Как установлено [14, 22, 25], балты (прусы/ятвяги) и славяне (дреговичи) прибыли в Верхнее Понеманье почти одновременно, среди них не было автохтонов. Их контактирование сложилось задолго до указанных пожарищ и не имело черт воинственности, напротив, отмечается конструктивизм и взаимовыгодное сотрудничество. На наш взгляд, эти пожарища связаны именно с приходом вышеуказанной полиэтничной дружины после разгрома Каупа. Признаков длительного противостояния в археологических материалах региона не на-

блюдается, это была хронологически выделенная, одномоментная акция. Направление этого военного воздействия можно с уверенностью реконструировать и связать с пруссами. На это указывает появление и деятельность в том же ареале в начале XI в. прусских городищ с каменной вымосткой внешней стороны вала [20], причем на месте ранее существовавших: Кульбачино, Городище на Менке и позже — Збочно.

Следствием тех событий стало укрепление прусско-русских связей, о чем свидетельствуют значительные изменения на Самбии, в окрестностях разрушенного Каупа: произошла реорганизация местной инфраструктуры торгового пути (раздробление на ряд мелких территориально разнесенных пунктов), возрастание влияния Древней Руси на фоне общей деградации культуры пруссов [39]. Очерченные изменения в сочетании с тем фактом, что в прусских землях в позднейшем так и не появился масштабный торговый центр, сопоставимый с Каупом, свидетельствуют о том, что руководящий центр Неманского пути переместился за пределы ареала пруссов, предположительно в направлении Древней Руси.

С периодом пограничья X/XI вв. связаны два пункта, которые можно соотнести с исковой функциональной нагрузкой. Оба — новые прусские городища. Первый пункт — городище Кульбачино. Вместе с каменной вымосткой внешнего склона вала, характерной для прусских городищ, выделяются археологические находки с дружинным акцентом — ланцетоподобные наконечники копий X в. (считаются скандинавскими, но также были освоены в прусском оружейном производстве) [23], подковообразная фибула, янтарная бусина (элементы прусского дружинного набора) [40]. Однако по организационному масштабу Кульбачино невозможно сравнить с Каупом — это, очевидно, был промежуточный, вспомогательный пункт. Синхронное событие отмечено на другом памятнике — Городище на Менке. Там в начале XI в. было сожжено городище, выстроенное при Владимире, и после существенной реконструкции возведено новое. Оно также получило каменную вымостку

внешнего склона вала, свойственную пруссам [20, 41]. Интенсивное развитие городища в первой половине XI в. [41], а также ряда других пунктов по Неманскому пути, и соседних земель дреговичей, в сочетании с массовыми находками импортов свидетельствуют, что деятельность пути была восстановлена. В частности, в начале XI в. на соседнем с Менкой поселении Рыловщина (на р. Лошица, приток Свислочи) число жилищ возросло в 4 раза. Среди находок отмечаются два керамических изделия с клеймом в виде княжеского трезубца; дружинные находки; снаряжение коня; технологические свидетельства ремесленной деятельности; импорты — обширный ряд находок, характерных для города, но не села [42]. Далее, выдающиеся для того времени параметры самого Городища на Менке позволяют уверенно определить его как протогород [41] и дают основания полагать, что именно сюда переместился руководящий центр Неманского торгового пути.

Надо понимать, что даже после положительной реорганизации для восстановления деятельности Неманского пути требовались определенные политические решения и время на их освоение. Династические войны Рюриковичей 1014—1019 гг. не способствовали этому и торговому делу в целом. Борьба за Киев на примере Святополка не принесла положительных результатов. Очевидно, что шаг к Новгороду, в противоположном от Киева направлении, был реальной альтернативой в борьбе за общее доминирование в регионе, в том числе и за Киев. В этом случае подчинение Новгорода в сочетании с союзом Менки и Полоцка имело бы результатом стратегическую по значимости монополизацию северного направления пути «из варяг в греки» благодаря объединению всех его ответвлений — Неманского, Двинского и Волховского (что ранее, в конце X в. совершил Владимир). В свою очередь, это поставило бы Киев (южное направление пути) с князем Ярославом в равное с союзниками (северное направление) положение и подтолкнуло бы его к принятию взаимоприемлемых политических решений. Именно такие действия,

необходимые пруссам, совершил полоцкий князь Брячислав в 1021 г. Полное совпадение отмеченных целей и реальных результатов похода подчеркивает участие в нем прусского дружинного персонала Неманского пути. Напомним, что после уничтожения Каупа в 1016 г. в регионе появилась (точнее — осталась без дела) сильная воинская группировка, которая до того обслуживала Неманский торговый путь. Эти воины/торговцы, конечно, знали пути к Новгороду, сам город, его состояние и достоинства. Для них такой поход был обычным делом. А.М. Насонов подчеркивал предмет споров между родственниками Владимировичами, процитированный в тексте «Пряди...»: «торговые города... пригодные для сбора налогов».

Предложение Ярослава Брячиславу «быть единым» озвучивало признание равенства князей, соответствовало признанию политической равнозначности северной и южной частей пути «из варяг в греки», что выделялось как цель Новгородского похода. Более того, как сообщает «Прядь...», Брячислав затем принял в управление Киев (наместником Ярослава) [7], вероятно, в период 1024—1026 гг. [9].

Изложенные факты отражают чрезвычайные, государственного уровня, уступки со стороны Ярослава в пользу Полоцка, которые тот получил в результате похода на Новгород. Это явно противоречит сообщению «Повести временных лет» о «победе» Ярослава и свидетельствует о политической ангажированности авторов летописи в отношении событий на Неманском торговом пути. Очевидно, что Ярослав не «победил» Брячислава, а договорился с ним о разделе власти. В результате Брячислав получил политические полномочия, необходимые для восстановления деятельности торгового пути, что было целью и прусской дружины. Напомним, что главный исторический источник Древней Руси, «Повесть временных лет», составлялась с конца XI в. под влиянием *новгородского* боярского рода Вышатичей и поэтому могла намеренно не сообщать о событиях на конкурентном Неманском направлении или даже исказить их. Конечно, «Повесть...»

является авторитетнейшим источником древнерусской истории, но вместе с тем следует учитывать, что обсуждаемые события происходили за столетие до написания летописи, восстанавливались ретроспективно, могли быть искажены вольно или невольно. Прецеденты такого рода уже отмечались рядом исследователей (С.Я. Сендерович, А.А. Гипиус, К. Цукерман, Е.А. Шинаков и др.) именно в отношении комментариев «Повести...» о событиях раннего средневековья, что склоняет к необходимости критического анализа летописных оценок.

Особым последствием политической деятельности Брячислава стало появление в Киеве «двора Брячислава», упомянутого «Повестью...» с явным дружинным акцентом в связи с событиями 1068 г. [1, с. 211]. Подчеркивается не только факт присутствия в Киеве «двора Брячислава», но и его значимость для деятельности купцов [9, 43]. Также отмечаются факты существования поздних, именно купеческих древнерусских «дворов» XII–XIII вв. Выделим и синхронные прецеденты определения подобного «двора». По данным «Повести...», варяги, которых пригласил «из-за моря» Ярослав в 1014 г. для борьбы с отцом, князем Владимиром, располагались в Новгороде «во дворе Поромони» [1, с. 62]. Е.А. Мельникова аргументировала этимологию того названия не в антропонимичном направлении, а в функциональном, выводя ее из др.-исланд. *farmannagardr* — путешественник, торговец в далеких краях [4]. Подобный аспект имеется и в упомянутой «Пряди...»: во время заключения договора с Ярославом предводитель варягов Эймунд высказывал: «прежде всего ты должен дать нам дом и всей нашей дружине» [7]. Это свидетельствует, что средневековые дружинники/торговцы отделялись от местного общества, создавали своего рода анклав как в прусском Каупе, так и в городах Руси. То, что в Киеве в XI в. появился «двор Брячислава», представляется дополнительным свидетельством высокой политической значимости, которую приобрел на Руси князь полоцкий Брячислав.

Выводы

В целом предлагается следующая реконструкция целей и последствий похода Брячислава 1021 г. на Новгород. Принципиальную ценность сохраняет историографическая позиция А.М. Насонова, но с существенными уточнениями. Так, выделяется положение, что инициатором похода был не лично Брячислав (Полоцк, Полоцкое княжество), который не имел военных и организационных ресурсов для совершения этого события, а прусский (вероятно, со скандинавским компонентом) контингент Неманского торгового пути. К началу XI в. деятельность пути обеспечивалась русско-византийскими договорами с участием представителей пруссов и ятвягов и союзными отношениями пруссов с киевским князем Владимиром. В 1014 г. были заложены основы для увеличения международной значимости Неманского пути путем заключения русско-датского союза между королем Дании Канутом и князем Руси Владимиром через установление матримониальных отношений (брак сестры Канута Эстрид с сыном Владимира Глебом), вероятно, в 1014 г. Но уход из жизни Владимира в 1015 г. нарушил эти планы. Династический конфликт Владимира с сыновьями, который начался в 1014 г., перерос в череду военных столкновений, в результате которых погибли сыновья Владимира Борис, Глеб, Святослав, Святополк, и в 1019 г. Ярослав стал во главе Руси. Канут Великий в 1016 г. уничтожил торговый центр Кауп — управляющий пункт Неманского пути. В результате произошла существенная реорганизация инфраструктуры пути, но деятельность Каупа не была восстановлена. Его утилитарные функции были переданы сети мелких военно-торговых пунктов на юге Самбии, по руслу рек Преголь и (Нижний) Неман. Военный контингент пути, прусские дружинники (ориентировочно тысяча, возможно, несколько тысяч человек) расселились по разным направлениям, в том числе по маршруту пути, в Верхнее Понеманье, в ареал ятвягов. Среди прочего пруссы подчинили и перестроили Городище на Менке и перенесли

туда руководящий центр Неманского пути. Прусы заключили политический союз с Полоцком, целью которого было восстановление деятельности торгового пути. Союз, очевидно, гармоничный и взаимодополняющий — военный и организационный потенциал прусской дружины, политические полномочия полоцкого князя и благоприятное географическое положение. Успех похода и соответствие целям названного союза отражены в письменных источниках. Среди других последствий похода Брячислава следует отметить усиление процессов автономизации Верхнего Понеманья (эту тенденцию выделял также Ю.А. Заяц [44]). Предполагается, что после похода на

Новгород в 1024 г. состоялся переход Минской волости из княжества Туровского в Полоцкое [44]. Также Ю.А. Заяц обосновал тезис о вероятном образовании в 1085 г. Минского удела в составе Полоцкого княжества.

Факты свидетельствуют, что в древнерусских событиях начала XI в. выделился Полоцко-Минский = кривичско-пруссский политический союз наряду с экономическим объединением Неманского и Двинского путей. Следствием этого союза стало «договорное подчинение» Полоцку Новгорода и Киева. В результате цели, необходимые для деятельности торговых путей, были достигнуты, а целостность пути «из варяг в греки» была восстановлена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Повесть временных лет / ред. В.П. Адрианова-Перетц. — 2-е изд. — СПб.: Наука, 1999. — 668 с.
2. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 77.
3. *Левко О.Н.* Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: Формирование и развитие. — Минск: Беларуская навука, 2004. — С. 61.
4. *Мельникова Е.А.* Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха. — М.: Индрик, 2008. — С. 78–133.
5. *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник (опыт анализа). — М.: АН СССР, 1957. — С. 50–52.
6. *Лященко А.И.* «Eumundar Saga» и русские летописи // Известия АН СССР. VI сер. — 1926. — Т. 20, № 12. — С. 1061–1086.
7. *Джаксон Т.Н.* Прядь об Эймунде Хрингссоне // Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). — М.: Ладомир, 1994. — С. 87–119.
8. *Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А.* Древняя Русь в свете зарубежных источников. — М.: Логос, 1999. — С. 408–556.
9. *Заяц Ю.А.* Полоцкие события «Саги об Эймунде» // Полоцкий летописец. — Полоцк, 1993. — № 1(2). — С. 5–11.
10. *Дук Д.В., Левко О.Н., Штыхов Г.В.* Полоцк — политический, социально-экономический и сакральный центр земли в XI–XIII вв. // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв. — Минск: Белорусская наука, 2012. — С. 66–80.
11. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Т. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // Свод археологических источников. Вып. ЕІ-36. — Л.: Наука, 1971. — С. 41–54.
12. *Новікаў Я.* Ваенная гісторыя беларускіх земляў (да канца XII ст.). — Минск: Логвінаў, 2007. — Т. 2. — С. 88–92.
13. *Плавінскі М.* Войска Полацкага княства ад часоў Рагвалода да эпохі Чарадзея. — Минск: Галіяфы, 2012. — С. 16–23.
14. *Віцязь С.П.* Прусы і яцвягі ранняга сярэднявечча: этнакультурныя трансфармацыі ў Верхнім Панямонні. — Минск: Беларуская навука, 2012. — С. 120–170.
15. *Кулаков В.И.* Неманский янтарный путь в эпоху викингов. — Калининград: ГБУК «Калининградский областной музей янтаря», 2012. — 224 с.
16. *Кулаков В.И.* Раскопки поселения и могильника эпохи викингов Кауп. 1956–2004 гг. // Балто-славянские исследования. — 2006. — Т. 17. — С. 413–457.

17. *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. (Prussia Antiqua. Т. 1). — М.: Индрик, 2003. — 432 с.
18. *Кулаков В.И.* Ирзэкапинис. 23 апреля 997 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. — Псков: Псковский гос. обл. ист.-арх. и худ. музей-заповедник, 1988. — С. 134–137.
19. *Кулаков В.И.* Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // Российская археология. — 1996. — № 3. — С. 134–147.
20. *Віцязь С.П., Кулаков В.И.* «Каменные» городища раннего средневековья // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. — 2011. — № 4. — С. 57–68.
21. *Віцязь С.П.* Пахаванні з канем на тэрыторыі Беларусі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. — 2008. — Вып. 15. — С. 108–127.
22. *Віцязь С.П.* Поліфункцыянальныя аспекты засялення Верхняга Панямоння ў раннім сярэднявеччы // Гістарычна-археалагічны зборнік. — 2011. — Вып. 26. — С. 213–228.
23. *Дернович С.Д.* Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. — Минск: Беларуская навука, 2006. — 86 с.
24. *Плавінскі М.А.* Нарысы гісторыі клінковай зброі X–XIII стагоддзяў на Беларусі. — Минск: Логвінаў, 2009. — 158 с.
25. *Віцязь С.П.* Старажытныя прусы: арэалы рассялення (да праблемы паходжання яцвягаў) // Доклады НАН Беларусі. — 2010. — Т. 54, № 3. — С. 115–124.
26. *Звяруга Я.Г., Віцязь С.П.* Рыштунак верхніка і верхавога каня з раскопак старажытных гарадоў Верхняга Панямоння // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. — 2006. — Вып. 12. — С. 122–137.
27. *Кулаков В.И.* Прусская дружина и Русь // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. — М.: Ин-т рос. ист., 1993. — С. 43–46.
28. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX — первая половина XII вв. / сост., пер., коммент. М.Б. Свердлова. — М.-Л.: Ленингр. отд. Ин-та истории АН СССР, 1989. — 205 с.
29. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. — М.: Языки русской культуры, 2001. — С. 476–499.
30. *Свердлов М.Б.* Дания и Русь в XI в. // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. — Л.: Наука, 1970. — С. 83–85.
31. *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. — Л., 1968. — С. 101–122.
32. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum / ed. G.H. Pertz. V. 16. — Hannover: IBAH, 1959. — S. 386–410.
33. *Mühlen B.* Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. — 1975. — N 9. — 287 s.
34. Saxo Grammaticus: Saxonis Gesta Danorum / ed. J. Olrik & H. Ræder. — Copenhagen: Levin & Munksgaard, 1931. — V. 2. — 284 s.
35. *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. — СПб.: Евразия, 2005. — С. 590–592.
36. *Шинаков Е.А.* Образование древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. — Брянск: БрГУ, 2002. — 488 с.
37. *Ласкавы А.Г.* Да пытання аб арганізацыі і складзе ўзброеных сіл Полацкай зямлі ў канцы XI — пачатку XIII ст. // Гістарычна-археалагічны зборнік. — 1993. — Вып. 2. — С. 5–21.
38. *Піваварчык С.* Да этнічных працэсаў на Панямонні ў раннім сярэднявеччы // Białoruskie Zeszyty Historyczne. — 1999. — N 11. — S. 235–245.
39. *Кулаков В.И.* Прусы (V–XIII вв.). — М.: Гюэко, 1994. — С. 77, 121.
40. *Піваварчык С.А.* Кульбачына // Археалогія Беларусі. Энцыклапедыя. Т. 1. — Минск: БелЭн, 2009. — С. 482.
41. *Штыхаў Г.В.* Гарады Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі // Археалогія Беларусі. Т. 3. — Минск: Беларуская навука, 2000. — С. 171–229.
42. *Заяц Ю.А.* Паселішча X–XIII ст. каля в. Дружба (Рылаўшчына) // Гістарычна-археалагічны зборнік. — 1994. — Вып. 3. — С. 88–113.
43. *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля в IX–XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии.). — М.: Наука, 1966. — С. 245–247.
44. *Заяц Ю.А.* Менская зямля: этапы фарміравання // Беларускі гістарычны часопіс. — 1993. — № 4. — С. 8–15.

Статья поступила 30.11.2013

С.П. Вітязь

Центр досліджень білоруської культури, мови і літератури НАН Білорусі
вул. Сурганова, 1, корп. 2, Мінськ, 220072, Республіка Білорусь

МІЖРЕГІОНАЛЬНІ АСПЕКТИ ПОЛІТИЧНИХ ПОДІЙ
СТАРОДАВНЬОЇ РУСІ ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ ХІ ст.

У статті обговорено політичні події Стародавньої Русі першої половини ХІ ст., пов'язані зі зростанням ролі Полоцького князівства. Підкреслено значущість походу полоцького князя Брячислава на Новгород в 1021 р. Охарактеризовано зміст та історіографію походу, виділено одну з невіршених основоположних проблем цієї події: проблему складу дружини Брячислава.

Ключові слова: Давня Русь, Полоцьке князівство, князь Брячислав, дружина, кривичі, прусси, Німанський торговий шлях.

S.P. Vitsiaz

The Center for the Belarusian Culture,
Language and Literature Researches of the NAS of Belarus
1, Surhanava St., Bldg. 2, Minsk, 220072, Belarus

REGIONAL ASPECTS OF POLITICAL EVENTS
ANCIENT RUS FIRST HALF XI CENTURY

The political events of Ancient Rus in the first half of the XI century, which are connected with the increase of the role of the Polotsk principedom are discussed. It emphasizes the importance of the campaign of Polotsk prince Bryachislav against Novgorod in 1021. The content and historiography of the campaign are described; one of the unresolved, basic problems of this event — the problem of Bryachislav's druzhyna (armed force) — is highlighted.

Keywords: Ancient Rus, Polotsk principedom, prince Bryachislav, squad, Krivichi, Prussians, Neman trade route.